

С. А. Фомичев

А. С. Грибоедов. Итоги и проблемы изучения

Прежде чем приступить к изложению основных положений нашего доклада, обратимся (учитывая жанр настоящей конференции) к некоторым характерным общественным грибоедовским информационным «всплескам», почерпнутым, в основном, из Интернета.

«Новый проект телеканала „Россия“ — „Имя России“, — призванный выявить самую значимую фигуру российской истории, вызвал резкую критику со стороны профессиональных ученых, сообщает Lenta.ru со ссылкой на радиостанцию „Эхо Москвы“. Идея проекта состоит в том, чтобы выбрать из 500 выдающихся деятелей единственного, который и станет национальным символом. В голосовании могут участвовать интернет-пользователи, телезрители и радиослушатели. Список выдающихся лиц, как отмечается на сайте проекта, был составлен телеканалом „Россия“...». Имя Грибоедова, обозначенное в первоначальном списке, отпало на самых первых этапах телекампании. Но показательно то, как был изначально представлен здесь автор «Горя от ума» (в стилистике всего списка, рассчитанной, вероятно, на массовую культуру): «Вундеркинд. Автор вальсов. Убит в 1829 г. во время восстания в Тегеране».

«Литературная газета» в № 12 за 2007 г. напечатала без всяких комментариев письмо в редакцию москвича Александра Кунарева «Забытый Грибоедов» с требованием открыть в Москве музей Грибоедова. Признавая справедливость такого требования, нельзя не отметить, однако, что хотя бы в редакционном примечании к «письму» необходимо было выявить (чтобы не вводить в заблуждение читателей) неточность ряда содержащихся здесь утверждений. Ср.: «До 1917 года в начале XX века было издано ПОЛНОЕ собрание сочинений А. С. Грибоедова. В советский период были изданы только однотомники избранных сочинений Грибоедова. Полное собрание его сочинений до сих пор не переиздано...» И, конечно же, было бы уместно напомнить, что в России давно успешно функционирует Музей-усадьба А. С. Грибоедова «Хмелита» – на Смоленщине.

10 февраля 2006 г. Портал-Credo-Ru поместил на своем сайте сообщение «За что убили Грибоедова. Иранский потомок писателя рассказал в своей книге о подробностях нападения на посольство „толпы взбешенных мусульман“». Здесь, в частности, сообщалось: «В городе Яздр репортер встретился с 65-летним иранцем по имени Парвиз Хусейн-Барари, который утверждает, что является потомком (прапрадедом) Александра Грибоедова. Парвиз, говорящий по-русски, написал книгу о своем великом предке, которая должна выйти в Иране в ближайшее время. По его словам, прапрадед был „большим шалунишкой“. В Персии он продолжал „шалить“, плевал на обычаи, не снимал калоши во дворце шаха и откровенно пользовался женщинами, говорит Парвиз. В книге Парвиз описывает эпизод со своей прабабушкой Нилафур, женой шаха, у которой, как он

утверждает, была связь с Грибоедовым. Парвиз говорит, что Фет Али Шах стремился задобрить посла и устраивал ему „ночи любви“...»

Впрочем, оставим в стороне информационную клубничку, обычную для завоевывающих популярность интернет-порталов. Обратимся к печатному труду, который, судя по титульным атрибутам, претендует на важную педагогическую роль. Это книга А. М. Баженова, повторно выпущенная (тиражом в 5000 экз.) издательством Московского университета в серии «Перечитывая классику» под названием «К тайне „Горя“ (А. С. Грибоедов и его бессмертная комедия): В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам» (М., 1999). Прочитываем только заключительные строки этого пособия (что? так и рекомендуется абитуриенту трактовать «Горе от ума» на вступительном экзамене в МГУ?): *«Софья с земли видит Небо. Молчалин видит лишь землю. Чацкий мыслью парит между небом и землей и видит лишь „туманную даль“. Он полон демонической энергии и не привязан всерьез ни к чему – ни на земле, ни на небе. Чацкий – идеальное средство разрушения».*

И напоследок – строки из интервью Римаса Туманиса, поставившего «Горе от ума» в Москве на сцене театра «Современник»: *«Комедией „Горе от ума“ было во времена Грибоедова. Это в современной пьесе, когда мы говорим друг о друге, можно быть ироничным и циничным к самим себе. Но в „Горе от ума“ я не могу никого высмеивать, это ушедшие люди. Пьеса написана от боли, от желания, чтобы в России все было иначе. Но как иначе, Грибоедов не знал <...> Чацкий открыт, амбициозен, но ведь это не главное. Главное – он сирота. И Софью он не любит, а влюбился – где-то там, вдали от дома. Фамусов для него очень близкий человек. Отец Чацкого перед смертью просил Фамусова, чтобы тот присмотрел за сыном. В его собственном доме давно нет ни матери, ни отца. Так он пробивается в эту родню, в этот дом. И родину растерял немножко, как все мы»* («Коммерсантъ» № 227 от 08.02.2007).

Все эти высказывания свидетельствуют, по крайней мере, о живом присутствии Грибоедова и его великой комедии в современной культуре, попытки обосновать перспективы нынешнего духовного пути заветами классических художественных откровений с неизбежной их интерпретацией в духе актуальных идей. Но это-то и обуславливает настоятельную необходимость подведения итогов *научного* освещения жизни и творчества Грибоедова, а также определения реальных проблем, которые до сих пор предполагают лишь гипотетические решения.

При всем многообразии гения Грибоедова он прежде всего состоялся как писатель, автор основополагающего для Золотого века русской литературы произведения, наметившего большие вопросы национального самосознания, что и определило особое значение его «Горя от ума».

До недавнего времени было много написано об удивительном и даже невероятном появлении в его творчестве пьесы, якобы не обещанной ранними опытами писателя и не получившей развития в его позднейших художественных опытах. Долго бытовавшее представление о Грибоедове как

“авторе единственного произведения” в свете исследований последних десятилетий ныне может считаться архаичным, вполне преодоленным. Это явилось во многом результатом работы шести научных грибоедовских конференций, проведенных на базе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и в дальнейшем – Музея-усадьбы А. С. Грибоедова “Хмелита” в 1974–2007 гг. В ходе этих симпозиумов во многом сформировался коллектив ученых-грибоедоведов. Материалы конференций опубликованы в сборниках научных трудов: “А. С. Грибоедов. Творчество, биография, традиции” (Л., 1977); “А. С. Грибоедов. Материалы к биографии” (Л., 1989); “Проблемы творчества А. С. Грибоедова” (Смоленск, 1994); “А. С. Грибоедов. Хмелитский сборник. Вып. 1: Грибоедов и Пушкин” (Смоленск, 1998). “Хмелитский сборник. Вып. 2” (Смоленск, 2000); “А. С. Грибоедов. Хмелитский сб. Вып. 9” (Смоленск, 2008). Ныне достаточно убедительно установлена органичность главного шедевра Грибоедова для его творчества, выявлено художественное новаторство “Горя от ума” на базе усвоения его автором мирового и национального художественного опыта.

Только в свете этих научных разработок стало возможным издание Пушкинским Домом нового академического Полного собрания сочинений А. С. Грибоедова в трех томах:

- Том 1. “Горе от ума” (СПб., 1995);
- Том 2. Драматические сочинения. Стихотворения. Статьи. Путевые заметки (СПб., 1999);
- Том 3. Письма. Документы. Деловые бумаги (СПб., 2006).

В данном издании:

- убедительно подтвержден ранее обоснованный Н. К. Пиксановым дефинитивный текст “Горя от ума”, основанный на двух авторизованных (Жандровском и Булгаринском) списках комедии;
- обосновано грибоедовское авторство стихотворений “Восток” и “Душа”;
- уточнен текст стихотворения “От Аполлона”;
- разграничены доли Вяземского и Грибоедова в их совместной работе над оперой-водевилем “Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом”;
- дан полный свод обнаруженных к настоящему времени писем Грибоедова (145), и также подготовленных им официальных предписаний и отношений, тексты служебных записок, личных документов, грибоедовских документов из дела о тайных обществах.

Тексты сочинений Грибоедова критически проверены по всем доступным источникам, печатным и рукописным. Наряду с основными редакциями даны все выявленные их ранние редакции и варианты; в частности, в первом томе

полностью напечатана ранняя редакция “Горя от ума” (“Горе Уму”) по Музейном автографу (ГИМ). В примечаниях даны обоснования дефинитивных текстов, освещены творческая история произведений и их историко-литературное значение. В комментариях к письмам даются все ныне обнаруженные тексты ответных посланий грибоедовских корреспондентов. Особо ценны содержащиеся в комментариях сведения о персидских событиях и реалиях, подготовленных О. Ф. Акимушкиным. Третий том заключен “Словарем терминов, географических названий, иноязычных и устаревших слов и понятий”.

Как результат участия авторов в указанных выше научных конференциях и подготовки академического издания стало возможно создания итоговой монографии Л. А. Степанова “Эстетическое и художественное мышление А. С. Грибоедова” (Краснодар, 2001) и книги С. А. Фомичева “Грибоедов. Энциклопедия” (СПб., 2007).

Отметим перспективу новых исследований в области грибоедовских текстов.

Едва ли стоит надеяться в будущем на обнаружение автографа “Горя от ума” (хотя наличие такового в бумагах, собранных персидскими официальными лицами после разгрома российского посольства в 1829 г., вполне возможно). Широкая кампания поисков грибоедовской рукописи, предпринятая в 1960-х гг. в Грузии, закончилась безрезультно (см.: *Гвелисиани Софья. Мы ищем рукопись...* Тбилиси, 1966). Однако необходимо произвести полный по возможности обзор всех сохранившихся ныне списков “Горя от ума” (числом нескольких сотен), что могло бы стать материалом не одной кандидатской диссертации. Брошюра И. А. Гладыш и Т. Г. Динесман ““Горе от ума”: Страницы истории” (М., 1971) с обзором списков комедии не претендовала в силу своего популярного адреса на целостный научный анализ данных источников. Исследование наиболее ранних списков (а также рукописных копий, восходящих к ним) в особенности необходимо, так как в первые месяцы массового распространения списков “Горя от ума” (конец 1824 г.), Грибоедов еще не вполне закончил работу над своей комедией (см.: *Литературное наследие декабристов. Л., 1975; здесь на с. 303–304 см. обзор литературы о выявленных списках комедии*).

По свидетельству мемуаристов, Грибоедов достаточно много писал в юные годы, что уже опровергает популярное в свое время мнение о его “литературном однодумстве”. Из ранних его опытов нам достоверно известно лишь краткое содержание (в пересказе С. Бегичева) трагикомедии “Дмитрия Дрянской” (см. ее реконструктивный анализ в кн.: *Анализ литературного произведения. Л., 1975. С. 212–225*). Возможно, Грибоедову принадлежит стихотворение “На смерть Буринского. Тени покойного от друзей его 6 июня 1808 года” (“Чей хладный прах лобзаем...” – Друг юношества. 1808. № 7): рано скончавшийся З. А. Буринский (см. о нем: *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1990. Т. 1. С. 367*) входил в дружеское литературное общество, в котором участвовали также Грибоедов, братья Щербатовы и Чаадаевы. Необходим анализ

московской периодики конца 1800 – начала 1810-х гг. с целью выявления возможных юношеских произведений Грибоедова. Этот (по необходимости дублиальный материал) мог бы быть представлен на очередной грибоедовской конференции и опубликован в ее итогах.

Высказывались также беглые соображения о возможной принадлежности перу Грибоедова опубликованных статей “Русская миссия в Персии” (“Le Conservateur Imperial”, 20. 08. 1818), “Описание Ардебильской мечети”, “Дом царствующего ныне в Персии Фетх-Али-шаха Каджарского” (Тифлиские ведомости, 1828).

Следует вернуться к вопросу о возможном авторстве эпиграммы на Н. М. Карамзина “Послушайте, я сказку вам скажу...”, ныне помещаемой в собраниях сочинений Пушкина, но впервые опубликованной по списку, в котором автором значится Грибоедов.

Со слов Кюхельбекера известно о том, что Грибоедов работал над поэмой “Странник”. Необходимы дальнейшие изыскания об этом произведении, – в частности, рассмотрения возможного его историко-литературного контекста. Необходим реконструктивный анализ долго волновавших творческое воображение писателя замыслов трагедий о вел. кн. Владимире и кн. Федоре Рязанском (следы этих замыслов сохранились в его заметках “Desiderata”).

Хотя очерк “Загородная поездка” и помещается традиционно в состав сочинений Грибоедова (в том числе и в его академическое издание), стоит заново проверить эту версию, учитывая противоречивые указания на этот счет Булгарина (а именно на основании его свидетельств очерк и считается произведением Грибоедова).

Несомненны успехи в исследованиях биографии Грибоедова, в которых преодолена долго бытовавшая легенда о непроницаемой загадочности его судьбы, в связи с полной якобы утратой важнейших на этот счет документов. Факты жизни писателя периода его активной деятельности ныне известны достаточно полно, хотя авторы популярных и публицистических очерков о Грибоедове до сих пор в истолковании личности писателя часто находятся под влиянием романа Ю. Н. Тынянова “Смерть Вазир-Мухтара” (1928). Характерная деталь: в списке литературы о Грибоедове – в разделе “Биографические материалы” – в современном словаре “Русские писатели. 1800–1917” (Т. 2. М., 1992. С. 27) указан роман Тынянова, но не указан самый полный, комментированный свод биографических материалов о писателе: “А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников” (М., 1980), который заслуживает переиздания – тем более, что по требованию издательства во время прохождения первой корректуры из основного корпуса текстов были выкинуты воспоминания Булгарина, которые

составители были вынуждены хотя бы фрагментарно процитировать в комментариях к другим мемуарам. Поэтому необходимо научное издание романа Тынянова с аналитичным комментарием, где нужно отметить все его намеренные многочисленные отступления от подлинных документов, т.к. автор романа, по точному замечанию Д. П. Святополка-Мирского, “опрокидывает в прошлое свою судьбу и судьбу старой интеллигенции” (Октябрь. 1934. №7. С. 221).

Нельзя признать удачной публикацию давней работы Н. К. Пиксанова (Летопись жизни и творчества А. С. Грибоедова. М., 2000), отчасти исправленной и дополненной сведениями, появившимися в печати до 1970-х гг., но не учитывающей новой литературы трех последних десятилетий. Поэтому подготовку новой “Летописи” (дополненной подробной картой путешествий писателя) следует по праву считать первоочередной задачей грибоедоведения. Точно выверенная хронологическая канва, обогащенная цитацией документов, мемуаров, писем и т. п. с пояснением в комментариях о гипотетичности некоторых фактов и противоречивых их толкованиях, может стать прочным фундаментом дальнейших биографических исследований.

В последние годы вышло несколько жизнеописаний Грибоедова: *Мещеряков Виктор*. Жизнь и деяния Александра Грибоедова. М., 1989; *Хечинов Юрий*. Жизнь и смерть Александра Грибоедова. М., 2003 (рецензия: НЛЮ. 2004. №66); *Цимбаева Екатерина*. Грибоедов. М., 2003 (уважительно-критические рецензии: Вопросы литературы. 2004. № 1; НЛЮ. 2004. №64). Много лет назад была подготовлена, но издана лишь недавно книга “Грибоедовские места” (М., 2007) – также своеобразная коллективная монография о скитальческой судьбе писателя-дипломата. Следует подробно проанализировать достоинства и недостатки этих книг.

Особый интерес исследователей привлекали последние периоды (кавказский и персидский) жизни Грибоедова: ср.: *Эйдельман Н. Я.* “Быть может, за хребтом Кавказа...” (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). М., 1990. (Ч. 1: Грибоедов); *Гулиев Гасан*. Смерть дипломата, или к истокам конфликта в Карабахе. Баку, 1995; *Жуков Дмитрий*. Грибоедов в Персии. Главы из книги “Иран глазами русского человека” (2008. Опубликовано на сайте Портал-Credo. Ru). Публицистический потенциал этих работ различим уже в их заглавиях. Отметим также появившиеся в последнее время книги иностранных исследователей: *Bonamour J. A. S. Griboedov et la via littéraire de son temps*. Paris, 1965; *Kośny W. A. S. Griboedov – Poet und Minister*. Berlin, 1985; *Kelly L.* Diplomacy and murder in Tegeran. London; New York, 2005 (в данной книге, основанной на дипломатических документах, почерпнутых в британских архивах, и свидетельствах английских мемуаристов

опровергается устоявшееся в российской литературе предположение об “английском следе” тегеранской трагедии 1829 г.; было бы полезно перевести это исследование на русский язык).

Обычный набор до сих пор бытующих в околонаучной публицистике утверждений о “загадочности” (даже “непроницаемости”) судьбы и личности Грибоедова сводится к следующим положениям:

– неясность года рождения драматурга;

– якобы двусмысленное поведение его в обстоятельствах, приведших к знаменитой “дуэли четырех”;

– мистичность появления замысла его гениальной комедии во время “чудесного сна”;

– странная “дружба” с Булгариным – Видоком Фигляриным;

– обстоятельства освобождения из-под ареста по делу о тайных обществах с “очистительным аттестатом”;

– позиция Грибоедова в конфликте между Ермоловым и Паскевичем;

– успешная дипломатическая карьера Грибоедова, оборванная трагической гибелью.

“Загадочность” всех этих положений зачастую нагнетается то ли для “оживляжа” повествования, то ли для актуализации грибоедовской судьбы в свете вполне современных (“партийных”) воззрений. Наша точка зрения в данном случае обозначена в ряде специальных работ и в соответствующих статьях “Грибоедовской энциклопедии”. Само собой разумеется, что необходима дальнейшая дискуссия по всем этим вопросам.

В процессе подготовки нового издания “Летописи жизни и творчества Грибоедова” было бы полезно понять некоторые до сих пор до конца не проясненные факты:

– родословие писателя (Грибоедовы – исторически выходцы из Польши или исконно русский род? пересекаются ли роды Грибоедовых по отцу и матери писателя, или же это попросту однофамильцы?);

– тема кандидатской диссертации Грибоедова едва ли ныне установима, но, возможно, докторская диссертация Готлиба Иона на степень доктора прав,

защищенная в 1813 г. в Казанском университете, готовилась первоначально для его воспитанника;

– зачем в начале 1818 г. ездил Грибоедов в Нарву, прервав срочную работу над переводом “Притворной неверности”, обещанной к бенефису Е. С. Семеновой? Между прочим, отклик на эту поездку сохранился в болгаринской заметке, опубликованной в “Северной пчеле” (1842. № 178): “От Кипени до Нарвы природа с величайшим усилием производит только веники”; спустя два года эти слова Булгариным были даны в иной редакции, что впоследствии послужило основанием для включения “Загородной поездки” в состав сочинений Грибоедова: “Хотя Грибоедов в поездку свою в Парголово и сказал, что петербургская природа с величайшим усилием производит одни веники...” (1844. № 84);

– кто была та женщина, от страсти к которой Грибоедов, по собственному признанию, “чернее угля выгорел”?

Несомненно, требует нового тщательного обследования общественная среда Грибоедова, – особенно в юные его московские, военные и петербургские годы. В свое время М. В. Нечкина предприняла на этот счет тщательные архивные разыскания, но в ее известную монографию “Грибоедов и декабристы” попали сведения только о лицах, причастных впоследствии к тайным обществам. А ведь была более широкая среда: студенческая, военная, масонская, литературно-театральная и т.п.

Богатство личности Грибоедова предполагает дальнейшие изыскания по различным направлениям:

– Грибоедов как экономист. Роль Грибоедова в исторических судьбах кавказских народов. Статистические проекты, им стимулированные;

– Грибоедов как историк. Обследование круга его чтения. Аналитический комментарий к его заметкам “Disederata”;

– Грибоедов как дипломат. Перспективы восточной политики России по грибоедовским воззрениям;

– Музыкальное дарование Грибоедова. Его наставники в этой области. Общение на этой почве с Алябьевым, В. Одоевским, Верстовским, Глинкой.

Особо острой остается до сих пор проблема “Грибоедов и декабристы”. Не прекращаются споры об организационной принадлежности Грибоедова к тайному обществу. На наш взгляд, современный автор справедливо полагает: “Очевидно, сдерживающую роль в признании непосредственного участия

Грибоедова в тайном обществе сыграли укрепившиеся в литературе стереотипные представления о мировоззрении и идейной эволюции выдающегося драматурга” (*Ильин П. В.* Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и не обнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004. С. 361). Однако признание этого факта вовсе не исчерпывает остроты проблемы. Ср.: “Что же касается темы “Грибоедов и декабристы”, то резюмировать ее можно так: мы вправе до известной степени причислить Грибоедова к декабристам, но при одном непременном условии: если самих декабристов видим по-иному, чем присяжных народолюбцев. <...> В этом смысле исход декабризма имеет существенное сходство с результатом народовольческого движения, сорвавшего конституционную перспективу проектов Лорис-Меликоза. Александр II был убит на Екатерининском канале, переименованном большевиками в канал Грибоедова. Топонимическая символика вполне прозрачна: бунты против царей ни разу у нас не кончались счастливо (*Парамонов Б.* Канал Грибоедова // Знание-сила. 1991. № 4 (см. также № 3 и № 5). С. 63, 67). Можно ли согласиться с этим? Можно ли именно с такой точки зрения оценивать проблематику “Горя от ума” и саму судьбу Грибоедова?

Споры вокруг главного произведения Грибоедова начались сразу же после создания комедии и с неменьшим ожесточением продолжают по сию пору. Это само по себе подчеркивает, насколько перспективно писатель затронул самые чувствительные нервные волокна отечественного самосознания. Нетрудно распознать в современных трактовках намерения авторов зачислить Грибоедова в союзники адептов модных идеологических доктрин. Впрочем, зачастую они оказываются далеко не новыми, такие попытки будут продолжаться и впредь. Достаточно в этом отношении вспомнить прямые стилизации “под Грибоедова” разных лет – стихотворные комедии: “Недовольные” М. Н. Загоскина (1835), “Возврат Чацкого в Москву” Е. П. Ростопчиной (1865), “Горе от ума” В. Куницкого (1883), “Горе от глупости” В. Буренина (1905). Нельзя не увидеть, что подобные трактовки близки и некоторым современным авторам – ср., например: “Резонный вопрос, обостряющий диспут об уме, который развёртывается в комедии Грибоедова. Горе Уму вознёшемся, говорит автор, горе Уму, лишённому сострадания. Такой Ум несёт горе и его обладателю <...> Чацкому недосуг задуматься, что Скалозуб воевал с Наполеоном (причём в пехоте), имеет боевой орден, что Молчалин из бедной семьи, из Твери, откуда его вытащил Фамусов и вытащил за усердие в службе. Разве Молчалин не должен быть благодарен тому за это? <...> Входя в глубину текста, мы начинаем понимать, что Молчалин и Скалозуб не мальчики для битвы, а оппозиция уму Чацкого <...> Христианское чувство выше гордости, выше обиды, выше “сатиры”. И именно им завершается “Горе от ума”. Это победа сердца над умом” (*Золотусский Игорь.* Прости, Отечество! // Лит. газета. 2005. № 1).

Конечно, прежде всего необходим учет обширной литературы по всем этим вопросам, издание полного свода библиографии по Грибоедову. Первый свод

Грибоедовианы был опубликован в приложении к Полному собранию сочинений под редакцией И. А. Шляпкина (СПб., 1889. Т.1), дополнен и продолжен до 1902 г. Н. К. Пиксановым в его “Материалах для библиографии А. С. Грибоедова и литературы о нем”. См. также раздел о Грибоедове в кн. “История русской литературы XIX века. Библиографический указатель. Под ред. К. Д. Муратовой” (М.; Л., 1962. С. 259–267). Продолжение библиографического обзора, доведенного до последних лет. имеется в электронной версии в Отделе источниковедения Пушкинского Дома. Рукописный свод литературы о Грибоедове, составленный П. С. Красновым (здесь учтены, в частности, и газетные материалы), хранится в библиотеках Пушкинского Дома и Музея-усадьбы “Хмелита”. Сводка грузинских материалов и публикаций содержится в брошюре “А. С. Грибоедов и Грузия. Сост. К. С. Тугуши” (Тбилиси, 1967). См. также указатели литературы (особенно иностранной) в названных выше монографиях Ж. Бонамура, В. Кошны, Л. Келли, а также в кн.: *Hobson M. Aleksandr Griboedov's “Woe from Wit”* (New York, 2005); *Lembcke H. Griboedov in Deutschland*. Greifswald, 2003.

Отклики на спектакли по пьесе Грибоедова собраны в специальной хрестоматии ““Горе от ума” на русской и советской сцене. Свидетельства современников” (М., 1987) – пора продолжить этот свод.

Заслуживает издания “Словарь “Горя от ума” Л. Д. Суражевского, защищенный в качестве кандидатской диссертации еще в 1941 г., но сохранивший по сию пору научную основательность (машинописный экземпляр “Словаря” сохранился в составе библиотеки В. В. Виноградова в Пушкинском Доме).

Необходимо подготовить и издать описание уникальной грибоедовской коллекции Н. К. Пиксанова, хранящейся в составе его библиотеки, переданной, по завещанию ученого, в Пушкинский Дом.

Отметим также вышедшие книги: ““Век нынешний и век минувший...” Комедия А. С. Грибоедова “Горе от ума” в русской критике и литературоведении (СПб., 2002; к сожалению, книга снабжена крайне небрежным комментарием); “Зарубежная литература и Грибоедов. Лицо и гений. Из наследия русской эмиграции” (М., 2001).

Актуальной задачей является подготовка книги о Грибоедове в популярной ныне серии “Pro и Contra”, а также учебно-методического пособия “Семинарий по Грибоедову”.